

Наташа: Милая моя Наташка: Неповторимая студенческая пора: Как давно это было!

Мы учились в одной группе, она и я. Она была из девчонок, которых никак не назовёшь красавицами, но которые при этом умудряются быть удивительно милыми. Короткая стрижка, спрятанные за широкими линзами очков огромные лучистые глаза, носик пуговкой, маленький нежный рот, лишь только начавшая округляться угловатая фигурка подростка: в её внешности не было ничего необычного, девчонка как девчонка, но в то же время она хочешь — не хочешь, а притягивала к себе взгляд. Всё её существо излучало какую-то трогательную наивность и незащищённость, перед которой невозможно было устоять. Я заглядывался на неё давно, но у меня и в мыслях не было попытаться сойтись с ней поближе или, хуже того, завести пошлый романчик. Её полудетский облик был настолько светел и чист, что обычная плотская любовь по отношению к ней выглядела чуть ли не кощунством.

Всё началось с того, что после одной не очень красивой истории в институт пришла на меня «телега». Потянулось разбирательство: В конце концов игравший в высокую идейность комсорг поставил вопрос о том, может ли такая личность, как я, быть членом ВЛКСМ. Такого я никак не ожидал. Наказание по тем временам было явно слишком суровым, но, к моему огромному удивлению, группа проголосовала «за». Подняла руку и Наташка:

Несколько дней я не мог прийти в себя, но даже потом, уже поостыв, долго ходил сам не свой, старался держаться особняком, ни к кому не подходил, ни с кем не разговаривал. Неизвестно, сколько бы это продолжалось, если бы не Наташка. Однажды, направляясь после занятий домой, я столкнулся с ней у проходной нос к носу. Обычно в таких ситуациях я просто прибавлял шаг. Хотел сделать так и на этот раз, но, уже обогнав её, неожиданно услышал:

— Подожди меня, пожалуйста.

Это было, как гром среди ясного неба. Она и до того не часто ко мне обращалась, а уж теперь: Я замедлил шаг и молча, не глядя на неё, пошёл рядом.

— Ты куда-то спешишь? — нерешительно спросила Наташка.

— Да нет.

— А вообще ты сегодня занят? — после некоторой паузы робко продолжила она.

— Да, вроде, ничего особенного.

— А сейчас ты домой?

— Куда ж ещё? — улыбнулся я, немало озадаченный таким градом вопросов.

— Можно мне поехать: с тобой?

— Ко мне?! — от неожиданности я остановился. Наташка тоже.

— Да, — густо покраснев и стараясь не смотреть мне в глаза, выдавила из себя она.

Мы стояли посреди узкой дорожки, по которой плотным потоком, кто домой, кто в институт, спешили студенты. На нас то и дело кто-нибудь наталкивался. Слышались «полезные» советы и возгласы праведного негодования.

— Ну: если хочешь, — совершенно растерявшись, промямлил я. — Только у меня родители дома.

— Поехали ко мне. У меня сейчас никого, — отведя наконец глаза от асфальта, Наташка умоляюще посмотрела на меня.

Мало-помалу я пришёл в себя и теперь с любопытством глядел на неё. В эти минуты она

была похожа на нашкодившего ребёнка. Интересно, что она задумала? Спросить об этом я, понятно, не мог.

— Ну что ж, едем, если ты так хочешь, — натянуто улыбнувшись, я зашагал по дорожке. Наташка молча пошла рядом.

Ощущая какую-то неловкость, мы всю дорогу старались не смотреть друг на друга и не разговаривали. По приезду Наташка сразу провела меня в одну из комнат и, извинившись, сама куда-то исчезла. В ожидании её я плюхнулся в одно из кресел и стал рассматривать висевший на стене плакат с Орнеллой Мути:

Неожиданно мою шею обвили ласковые девичьи руки. Я обернулся и застыл, поражённый. Право же, было от чего. Наташка стояла передо мной лишь в трусиках и лифчике, больше на ней ничего не было! Она вся дрожала, грудь её учащённо вздымалась, пухлые детские щёчки пылали. Ошарашенный и уже абсолютно ничего не понимающий, я тупо вперился глазами в то место, где из-под тонкого шёлка трусиков проглядывала пышная кипа тёмно-русых волос, будто это пикантное зрелище способно было хоть сколько-нибудь прояснить происходящее.

Наташку мой дурацкий взгляд явно бил наповал, но тем не менее она решительно продолжала начатое. Щёлкнула застёжка лифчика, и через секунду он уже лежал на полу, обнажив трепетную грудь. Ещё миг — и Наташка застыла передо мной уже совершенно голая. Щёчки её пылали пуще прежнего, глаза горели.

— Послушай, — не придумав ничего умнее, тоном наставника начал я, — ты отдаёшь себе отчёт:

Я хотел сказать ещё что-то в том же духе, но Наташка перебила меня.

— Не надо, — еле слышно прошептала она. — Прошу тебя, не надо так:

Наши объятия были страстны и целомудренны. Мои руки скользили вдоль её покрытого золотистым пушком юного тела, мои губы мягко и нежно сплетались с её губами. Это были прекрасные минуты, нам было хорошо, как никогда. Полностью предоставив себя в моё распоряжение, Наташка, закрыв глаза, молча внимала моим ласкам:

Время шло, а я всё никак не мог решиться на главное, медлил, оттягивал. Как это ни покажется нелепым, но меня одолевали угрызения совести. В конце концов Наташка взяла инициативу в свои руки. Её ладошка сомкнулась вокруг моего члена. Мгновением позже, припав к моим губам, как к целебному источнику, она одним толчком вогнала его в туго раздвинувшуюся щель своего девственного лона. При этом Наташка даже не вскрикнула, хотя по тому, как непроизвольно содрогнулось всё её тело, я понял, что ей было очень больно:

К сожалению, я оказался не на высоте и, не сумев совладать с собой, тут же кончил, начисто забыв про Наташку. Но она тем не менее просто светила от счастья, а застывшие на её щеках слезинки блестели, озарённые улыбкой, совсем как лужицы в лучах восходящего солнца:

Наша связь длилась недолго. Очень скоро она поняла, что моё чувство к ней носит совершенно иной характер, нежели её ко мне, но продолжала на что-то надеяться, пока не застала меня однажды в объятиях своей лучшей подруги. С тех пор я её больше не видел. В институте она не появлялась, на звонки не отвечала. Несколько раз я заходил к ней домой, но мне неизменно говорили, что её нет. А вскоре я узнал, что она вышла замуж за какого-то кретина, лет на десять старше её. Через семь месяцев у неё родился сын. Здоровый такой карапуз. Зовут его также, как меня. Май — июнь 1984 г. Правка: август 1985 — октябрь 1990 г.